КИРОВ МАГЫС ПОТРЫТ

Н. БЫЛЬЕВ

УЧПЕДГИЗ · 1940

Н Ман. / 3-2

КИРОВ МАГЫС ПОТРЫТ

Н. БЫЛЬЕВ

П. К. ЧЕЙМАТОВ, И. В. ЯРКИН толмасьластэн
В. Н. ЧЕРНЕЦОВ редакторыг олыс

Н. БЫЛЬЕВ послимутыт хансыс

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1940

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Н. БЫЛЬЕВ

РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

Перевели на мансийский язык
П. К. ЧЕЙМАТОВ и И. В. ЯРКИН
Под редакцией В. Н. ЧЕРНЕЦОВА

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА АВТОРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1940

ПУШКАЛ ПАТЛУПТАН ВАРМАЛЬ

Войкан хонтыт Астрахань мувлах яртмысыт.

Акв палныл генерал Покровский хосаханэ ёт ватимлас.

Мот палныл—генерал Толстой тыг-квалыс.

Хурмит палныл—генерал Улагай лаквхатыс.

Нилит, атит палныл—Драценко, Склянин, Хлебников, есаул Бичераков исыт. Та савит врагыт, пусын ловинтангкве ат вермегын.

Каспийский сярасьт англичаныт русь караплит катн паттум, блокада варсыт.

Генерал хонтлахтын мир палт олнэ тэнут— порт тэнутыг олыс. Тан сав винтовка ос патрон осьсыт.

Войкан хонтлахтын мирн мувлахыл яртмим Астраханьт мир тэтал олсыт.

Тан солволынг хул тэсыт. Хотал палитн нянь пунт супыл майлавесыт, тов порат ос та кони пал мосьсял майлавесыт.

Патроныт ватихал ат товылхатыглас.

Врагыт Астрахань холтуптанкве магыртасыт. Тан рабочиит алунгкве, ус хулитн большевикыт келп сосункве тахсыт. Астрахань рабочиит ёмас командир — юртхум Киров осьсыт. Та генералыт кос пусын аквёт вос олнувыт нэматыр варункве ат вермысыт. Тов порат Киров матах маткем эт ёл ат хуянталыс, штабныл кон ат квалыглалим рупитас.

Войкан хонтыт хоти самныл ёхтыгпангкве ке аступтахтэгыт тав пусын акваыг сартн тарапаттылалыстэ.

Враг ёретыл ос илттыг ёхтыгпанэнылтыл Астрахань вингкве та кос магырти, туп касынг

мат тав Киров кетум хонтлахтын мирн акваыг ювле хот-нявлувес, полиг сакватавес.

Красноармейцыт кантынгыг, пилталыг, юиовыл ёраныл мус алхатэгыт. Тан алхатэгыт, туп ювле ат оегыт. Войканыт осьмарланкве патсыт.

Уст хул тиналан сав пес хум, попыт, ватахумит, тан пыганыл ос прикащиканыл хультысыт... Ти пусын элмхоласытн агтунгкве ат ровыс, тан советский власть ат эруптасаныл. Войкан офицерыт советский властьныл тулит тан палтаныл ласьхатасыт, тувыл заговор варсыт. Туяыг уст илттыг — тра-та-та-та! — суй сумылас, патлуптанэныл овылтавес. Штабн, Киров палт, порт завод рабочиит хайтлыгтасыт, телефон пойтталыг суйти.

Касынг маныл латынг паттаве:

„Хурахлэн! Войкан бунт овылтахтыс!“

„Бунтовщикыт хайтуп мус ёхтысыт, Кума я ултта минунгкве тангхегыт!“

„Бунтовщикыт тэрм пиннэ склад лаквасакватасаныл, винтовкат лакв-висаныл. Бунтовщикыт портт олэгыт. Тан сав ерныл ёхтыгпегыт, ман мувлахыл яртмувесув“.

Иснасыт кони-палт кер лупта тармыл анькас сосантан хурип суй суйтаç — тамле так патлуптапса варим олыс. Маныр варунгкве? Лававе:

— Выгыр армия отрядыт ман палтув алати ати, пусын фронтн кетвесыт.

Киров роттыг олысь.

— Пусын коммунистыт, хумит ос экват, винтовкат катн вос выгыт рабочийт ёт хонтлахтын отрядыт вос варегыт, — Киров лави. — Войканыт ман савитыг вос олэгыт, ман тананыл акв ти пыл пусын поли-ратиянув.

Тав такви сартн винтовка ос вис.

Этанг-хоталыт ус хулитт хонтлахтэгыт. Бунтовщикыт выгыр отрядытн атаковайтлавет. Войканыт акв маныл кос хот-нявлавет — тан мот ерныл ос ёхтэгыт.

Та мат тан ёл-поилтавет — тан, ильпи нётмил вим, ильпилиг тыг-ювыт. Касынг сёсыл врагыт акваыг эртум савыг емталасыт.

Врагыт акваыг ляпан ватимлэгыт, акваыг лакв хольтыл такись тангыртэгыт.

Товат нёланыл та тагатасаныл. Бунтовщикыт ёлимтангкве, эрынг, ат веритэв, ман халанувт потыр суй тарамлангкве патыс.

Киров палт войкан палныл акв ман хумиюв ёхтуптахтыс. Ти хум слесариг рупитас, тав опарись наме Гудков олыс.

— Люльсынг вармаль, юртхум Киров. Врагыт эти яныг квалапанэныл магыс аступтахтэгыт. Тан лавкат тиналан хумитн, конторщикытн, гимназистытн ос мот сир-сир осялытн писалит майлияныл. Ильпи отрядыт варегыт. Порт палт ялпынг Владимир торум кол похат войканыт штаб варсыт. Ургалан хумит мувлах яласегыт. Ань бунт пунгк тотнэ сяр яныг хумит тот атхатамыт. Тан матмыт, улпыл хон офицерыт...

— Сака ёмас суй! Сяр ёмас, — Киров лавыс, — тувыл акв та пора совет атыс. Тав лавыс:

— Юртхумиянум, ам планум ти: акв ти хотал войкан штаб хот сакватангкве эри. Сяр молях. Войканыт пунгк тотнэ хумит тот инг олнэ сис штаб холтуптангкве эри. Ти штабт бунт пунгк тонэ хумит олэгыт. Танан холтуптангкве артми ке, хультнэ хонтыт купнитыг ёлимтиянув. Тан тувыл квалапан вармаляныл ёрувлияныл.

Советт пусын суесьлангкве патсыт:

— Соль, штаб хот-сакватангкве эри!

— Ти вармаль туп хумле варунгкве? Штабн ман ат пасапев.

— Тии соль, ат пасапев,—Киров потырти. — Пушкат ос маныр магыс олэгыт? Пушкаттыл патлуптангкве эри.

Ти порат това соп-нелматал нас унли, това пунгкетыл хосги.

— Тии варунгкве ат артми, — лававе. — Та кол мувлахе ос акв магыл-тарсыл мот колыт унлэгыт. Тот рабочиит олэгыт. Ань та рабочиит ман палтув олэгыт, врагыт ёт воритотэгыт. Тот, юн, туп экват нявраманыл ёт хультсыт. Тананыл снарядытыл маныр магыс алиянув. Ати, ати! Тии сяр ат рови.

Киров лави:

— Снаряд сома штаб олнэ колн вос патнув, ёмасякве патлуптангкве эри. Штаб кони пал акв кол ул вос хоиглануве. Та кемыл сохтыг патлуптангкве эри. Тии вармаль магыс манавн сяр хаснэ артиллерист-наводчик эри. Ман тамле хум оньсев?

— Ати, ман халувт тамле хум ат хонтхати.

Хотпа та лавыс:

— Астраханьт акв матум ойка оли, сака ёмас артиллерист, тав пес армият офицерыг олыс.

— Я, тав ань улпыл войканыт ёт ман ляльтув хонтлахти?

— Ати, войканыт ёт тав атим.

— Я, тав аман выгрыг оли?

— Тав выгрыт палт ат оли, войканыт ёт ос ат минас, тав ман сир хум, таве ат ти торгамтилын. Таве китыглэн, тав хонгха нупыл оли: выгрыт нупыл ман войканыт нупыл, тав палтэ туп акв латынг лялт хонтхати: „Амталум тот алхатэн“.

Киров мувалас, тувыл лавыс:

— Я, тав, войканыт палт ат ке мини, тав манавн хонтыг ат оли. Таве ам палтум кетилан.

— Ат юв. Нэматурыл ат юв. Тав яртыглахтын ойка.

— Тонт ам амки тав палтэ минэгум.

Киров ти артиллерист палт тотвес. Киров тавен тот маныр потыртас, нэмхотпан ат хулвес.

Туп, хунь тэн ави сунтн кон-нэгласыг, катаген хоса пасярталсаген, акваыг муваласыг.

— Я-та, ойка, тувыл тоха та варев?

— Я, Сергей Мироныч, ам ке лавсум, тувыл тохаыг та емти.

Акв сёс ётыл выгыр отрядыт бунтовщикыт катн паттум ус хулитн ласялакве ёхтысыт, кол

картат кивырн туйхатасыт. Кировныл приказ олыс: пушкал патумтан порат, выгыр войканыт нупыл илттыг вос лайхатэгыт.

Ус хулитт тов мат туп ман пулеметанув патлуптасыт.

Киров артиллерист ёт, слесарь Гудков ёт ус котильт олум крепостьн минасыт. Тот пушкат олсыт. Гудков крепостьныл войкан штаб хултыстэ, тувыл артиллеристн бинокль мис.

— Тот-та, аким ойка, ялпынг кол хони палнув, мот колыт сис палт акв кол хопсат оспа ала туп та кели. Эрнэ кол та. Нанг, ойка, сови ат патумтэгын?

— Ти сиртэпынг сули пут кивырт олнэ акв хултим сиртэп самн хойнэ хольт оли! — Киров ронгхувлас.

Артиллерист мувалас. Тав ма послын нэпакн сунсыс, нэпакн хансим матыр та ловинтас, снаряд пушкан пинунгкве лавыс. Тувыл тав тарвитынг пушка штаб олум колн тактунгкве овылтахтыс.

— Хунтлэн, курги, — Гудков лавыс, — овтынг палум муйлунгкве юв...

Крепость нуми-палт английский товлынг хап нэглапас.

Тав, лаквыт варим, акваыг ёл-таратахтугкве патыс.

— Ти, хомыл, касаластэ, ман тав юртанэн пушкал сорум ти аступтэв. Тав бомба ёл-таратангкве верми...

— Атынг нянил титунгкве ат пати, — Киров лавыс.

Товлынг хап пушка нуми-палт пелпысь минлыгтас.

— Бомба! Ёл-хуен! — ойка ронгхувлас. Ман хоми лайхатасув... Крепость карта кивырт пушка ляпат, бомба ёл-патум мат ма ломтыт, ахвтасыт нонгх-пультасахтысыт. Ти порат илттыг ус сав ерныл „ур-ра-а“ ронгх суй хосат сумылас.

Ти кол картатт унлум выгыр отрядыт войканыт нупыл атакан лайхатасыт.

Тан бомба лакв-манумтам суе пушка патумтамеыг, эрынг, номсысаныл.

Киров нонгх-квалапас, ойкан квалунгкве нётыс. Та порат товлынг хап акв палн минас, тувыл ильпилиг крепость нупыл ювле ёнгхыс.

— Ойка, молямтахтэн! Ань пусын нанг катагынт оли. Патумтангкве ат ке алимев, махманув туп нас касыг алавет.

— Астысум! — ойка лавыс. Пушка патумтан суй тувыл сумылас.

Киров секунда сис бинокль самаген пинумтастэ. Снаряд лакв-манумахтынэтэ сумылас. Ойка патумтам снаряд колн аман хояс? Тии тара-паттунгкве инг ат ровыс. Штаб олум мат порс, посим нонгхаль алмхатас.

Снаряд посн ат ке хояс?.. Тувыл врагытн лайхатунгкве! Тананыл штурм сирыл вингкве эри!

Киров карта улта хайтлыгтас, автомобильн талматас, тувыл Владимир торум ялпынг кол нупыл минам выгыр отрядыт палт минмыгтас.

Юи-палэт, крепость нуми-палт товлынг хап кивырныл пулемет патлуптангкве патыс.

Войканыт овлэт такысь патлуптангкве патсыт, тувыл тан палтанылт илттыг матыр та емтыпас.

Тан тараныл пилсьманг суй минас: „Штаб васыг атим!“

Кол тарвитынг снарядыл лаква-манумтавес. Кол ёл-рагпам порат, тот олум элмхоласыт алати пусын алвесыт.

Акв та торыг выгыр отрядыт сав ерныл нэглапасыт. Войканыт лилаянгкве ат таратаве-

сыт. Алавет. Нявлавет. Гимназистыт, лавкат осьнэ хумит винтовканыл овлэт пахтунгкве патсаныл, карта киврытн туйтыглахтунгкве патсыт. Пилнэ регыл ёхтувесыт, рохтысыт. Врагыт акваыг оюнгкве патсыт. Полиг сакватим штаб похат унлум колыт пус таглыг хультсыт. Туп тов колыт палт иснас луптат полиг-покматасыт, тов мат колн посьгим ракт ёл-паргыглас.

— Нанг, аким ойка, сяр ёмас патамтасын. Ти хурип ойка!—Киров потыртас.

Враг писаль нял Киров похат кол норн илттыг хояс, тувыл сивгим норныл волькатас.

Акв рабочий ювле пермтахтыс, кантынгысь ронгхувлас:

— Юртхум Киров! Нанг маныр акваыг ус хулитт кон-олэгын! Нанг манрыг акваыг элаль воратэгын? Нанг алавен ке, ман командир тал манурыл хультэв?

Киров мувалим, ювле лавыс:

— Тии маныр тамле командир емти, тав лэыг хольт сяр юиовылт ёмунгкве ке пати!

РАЗВЕДКА

Войкан хонт нупыл яныг элаль квалапан пора ватимлас. Разведкан минам красноармейцытныл штабыт латынг урсыт. Юиовылт нэпак ёхтыс. Киров таве лаква-лоситастэ, кантмаявес:

— Пус саткем сис врагыт ёр овылтит ёмасякве инг нэматыр тара ат патыс. Кума я алмпалт войкан хонтыт олэгыт ман атим. Мансавит войкан хонт тот оли, нэматыр ат торгамтэгын. Разведкан аман оссамыт яланталэгыт, аман...

Юиовле мус ат потыртас.

Ам нупылум ёнгхыгпас.

— Сургучев, нангки лувын бензиныл титтэлн, тувыл минимен. „Максим“ ёт выглумен.

— Аступтилум,—ам ювле лавсум.

Хоталь минимен, ам таве ат китыгласум. Ам шоферыг олсум. Ам вармалюм, Сергей Миронович хумле лави, тувле та тотыглангкве. Номсэгум, „максим“ ёт ке выгмен, мен атэ нас касыг яласангкве минимен.

„Максим“ — ти пулемет.

Ам лувум сака пелуп. Тав нила колесо оньси — ти автомобиль. Тав атэ машина, сома товлынг уй. Суй ос ат вари.

Ат минута ётыл мен минмыгтасмен.

Сергей Миронович „максим“ патроныттыл магыстэ, тувыл анумныл китыглас:

— Кума я алмпалт хайтупныл элаль лёнгх вагын? Ти лёнгх хосит атхойплув километр пасн ялунгкве эри.

— Рови, — ювле лавегум.

— Звездынг таляхынг кент нанг, Сургучев, эрынпыл, нас касыг пиныслын.

Ань анумн пусын тарангыг емтыс: мен менки разведкан минимен.

Ам Сергей Миронович нупыл ангкватасум, тав пунгкет звездатал фуражка оньсис.

Ам красноармейский таляхынг кентум врагытн хосаныл касалаве, мен акв та сёс тарапаттавемен.

Ам таляхынг кентум хот-вислум, амки ёли-палумн пиныслум.

Та порат матах маткем хон палт олум офицер Красной армия командирыг олсыт.

Ти офицерыт халт изменникыт олсыт.

Сергей Миронович тара-паттунгкве емтыстэ, разведкан ялне хумит соль лавегыт, ман лаплан латынг паттэгыт. Эрынг, разведкан ялум красноармейцыт халт изменникыт олэгыт, тувыл тан тулит люльсынг рупота варегыт, тона ёмас латынгыт ат патталалэгыт.

Мен хайтуп улта минасамен, тувыл, порс нонгх-алмим, лёнгх хосит пелпысь минунгкве патсумен.

Мен лов ман хус минута минасамен. Аквыг нэмат суй ат суйти. Войкан хонтыт ат нангкегыт. Мен сипн ёхтыгпасмен. Сип сис палт павыл нангки. Тувыл элаль ос нэматыр ат нангки.

— Элаль, павыл тара минимен! — Киров анумн лавыс.

Тав пулемет палт олум патроныт сёпитасанэ.

Пелпысь миниме мен павылн ёхтыгпасмен. Пелпысь минименыл автомобиль мось рексялтахти.

Автомобиль колесытныл сиськурекыт, рон-гхим, эл-тыгламлегыт. Ампыт, кантынгысь хор-тим, автомобиль юи-палт нуйхатэгыт.

— Тот та лувыт люлегыт, — ам лавсум, — ив кант, ти хонтлахтын лувыт.

— Пусын таранг, — Киров ам нупылум ювле лавыс.

Илттыг мен эли-палмент войкан солта-тыт касаласмен. Тан анял ави сунтт унлысыт.

Ам автомобиль ёл-пойтнэ керн пувумтах-тысум, колесыт ёли-палт сихрунгкве патыс. Солтатыт автомобиль нупыл ангкватасыт. Тан халаныл матах маткем солтат сома нонгх-лю-люмтасыт.

— Тан менмен танки махмыг номсияныл. Тамле та вармаль, — Киров мувалс. — Авто-мобилин тув ул пойтыгпалэн.

Ам газ мисум. Автомобиль солтатыт похан-ныл ялпынг кол эли-палт олнэ канн хайт-мыгтас.

— Ань ювле ёнгхтэлн.

Ам кан мувлахе лакв варсум.

Ялпынг кол сист лувынг батарея ос'бронеавтомобиль люлеыг. Шофер машинат матыр та вари.

Мен ляльтмен кол кивырныл офицер хайти. Менменн катыл хосхи, матыр-та ронгхи. Эрынпыл, тав менмен ёл-поилтангкве номси, матыр-та китыглангкве тангхи.

Ам тавен автомобиль турпал хоса суй варсум. Хурахлэн, сяма ялыглилум. Порс посим хольт нонгх-рауталим, мен эла-минмигтасмен.

Авй сунт унлим солтатыт мен ётмен ос нэматыр ат варсыт: мен суй варим минимен. Тувыл пусын ёмас. Тан менмен ёл-пувунгкве ос ат номсэгыт. Мен „максиммен“ ос астал оли.

Мен акв та сипн ватимасмен. Автомобильмен павыл юиовыл колыт тара тотхати. Ти торыг та хурип яныг вот капай вотумлас, пунгк атанумн ёл-патсыт, самагум лап-патвесыг. Ам нэматыр ат вагум. Пилэгум, пелпысь миннэ торыг вит хулин ёл ул вос патунгкве.

Ам молях сёпитахтысум, таляхынг кентум пунгкумн пиныслум.

— Нанг маныр варегын? — Киров ронгхувлас, тувыл шлем ам пунгкумныл хот-нирумтастэ.

Мен юи-палменныл писаль суйт илттыг сумыласыт. Писаль нялыт лёнгх хосит сивгим минасыт.

Та сист автомобильмен сипн ёхтыгпас.

Мен сип та палн ёлаль ваглысамен, павыл та патрыс.

Лов ман кем километр акв марыл минмыгтасмен. Тот, элн, Кума я нангки.

— Я-та, оигпасмен, — лавегум, — ань юв ти ёхтимен. Ёмасякве ялсумен.

Тувыл ам хара ман ангкватасум.

— Тот матыр-та вопсати, Сергей Миронович. Тув сунсын. Тот-та, лёнгх хонипалт. Таи маныр?

Тав анумн ювле тоха-та роттыг потырти:

— Ам таи сартн касаласлум. Пусын таранг. Войкан хонтыт та павылныл телефон хосит менки магысламен латынг паттуптангкве алимасыт. Ти кавалеристыт мен лёнгхмен пори мус султатэгыт. Автомобилин ос пелпысиг таратэлн.

Ти мат шоссе мань лакв вари.

— Ласял сар, — лавегум, — ам ань ти войкан утыт нёланыл хот-яктиянум. Ёмас пал кат пал нупыл миннэ мань лёнгх хосит минэгум. Тан мен эли-палмент хайтуп мус султатангкве ат алимегыт.

Туп акв та сис симум торгувлас. Ам хони палн туп ёнгхыгпасум, аньмалынг, мен эли пал-

мент, сяр ляпат, лаглыл ялнэ хонотыт олнэныл. Винтовканг войкан гвардия хумит шоссе нупыл ос хайтэгыт.

— Я, тэхам, нанг хоталь? Автомобильмен манрыг тыг тотыслын! Молях ювле ёнгхтэн!

Автомобилюм ильпилиг шоссен патыс. Ам яныг газе мисум. Ам ти капыртанэм магыс матахкем минута уступтасум. Та сис войкан кавалеристыт хайтуп ляпан ватимасыт. Тананылн туп мосься султатангкве хультыс.

Мен вот хольт пелпысь минимен. Вот сивги.

Ам автомобиль рульн пухтим, амким лявыльтилум:

„Тя, оссам! Тии пусын ам таляхынг кентум магыс емтыс. Таве нонгх-пинунгкве ам хонгхан хуйтувесум. Киров, Киров сяр нас касыг уси... Тии манрыг тав ам хурипам оссам ёт нэгхатас...“

Ань пусын секундатныл тагапим оли. Хайтуп мус хонгха сартн алими — войкан утыт ман мен.

Ам ронгхгеум:

— Сергей Миронович, тананыл пулеметыл молях патлуптэн. Мен хайтупн сялтнэмен мус хомыл утыт мось вос урхатэгыт.

— Ат вермегум, — Киров ювле лави. — Нанг торас варегын, ам эли-палумт унлэгын. Нанг пунгкынт ас варунгкве пилэгум.

— Тонт войкан кавалеристыт менки пунгкамен хот-сагрияныл! — ам ронгхегум.

— Автомобилин ос пелписиг таратэлн, — Киров такись лавыс.

Илттыг тав вильтят янит выгыр ат овлуп посынг таляхынг кентум ам пунгкумн пинумтастэ, тувыл такви „максим“ лаквагеныл пувыстэ.

Автомобиль пусын ёре кеме паст хайти. Лувынг хумит ос султатэгыт. Тан сяр ляпан ватимласыт.

Луваныл манакем ёр оньсегыт, та савит ёраныльтыл сулинтэгыт.

Сусхати, тан лагланыл ман ат хоиглэгыт.

Сартн минам кавалеристыт мен эли-палмент хайтупн квалапангкве алимасыт. Сираяныл нумын суртгасалсыт.

Тан тараныл хумус пасапегын?

Ти кем пелпись миннэ эрт тув ке пелхатэгын — акв лув туп хоиглаве — машина такви ери ёнхыгпи!

Сорум. Ам ронгхувлангкве кос емтыгласум, лилим тув ярмыгпас.

Акв ти торыг пулеметыл патлуптан суй сумлас.

Лувыт рохтысыт, халятасыт, хомынгысь люлюмтасыт. Мен лувыт нёланыл ёли-палт минлыгтасмен.

Ам, ат кос касасим, сиплувум вангнагум халн тув-хартыслум. Сираит автомобильн хоянтасыт. Ам шлемум пунгкумныл хот-рагатас.

Сергей Миронович, пулеметн хутаим, акв писаль нял похан ат тараталим, врагыт холтуптасанэ.

Секунда ётыл мен я та палн ёхтысамен. Хайтуп, кавалеристыт — пусын мен юи-палмент порс сяхыл сайн патрысыт.

Сергей Миронович автомобильт ёл-хутаис, сираил полиг саграпим таляхынг кентум нонгхалмыстэ. Тав анум вангнумныл юртынгись такыс потлялтастэ.

— Ман, большевикыт, сотынгыт! Касынг мат нонгх-патэв. Ман пусын врагыт ёлимтиянув!

НЁТНЭ ХУМ

Номилан ке—ти тарвитынг тал олыс... Китит сотырн онтулув сат ос онтулувхойплувит тал.

Сергей Миронович Киров та порат Астраханьт ат олнув ке, Астрахань войканытн полиг ратнуве.

Киров выгыр хонтлахтын миранэтыл ус мувлахе энтап хольтыл синыгтастэ. Тав такви нэмхуньт вагтал ат патыглас. Тав касынг мат вангкве роввес. Урмыг емтум, ватихал матахматкем эт сис ат хуянтим, тав фронтыт хосит яланталыс, ос уст касынг заводт, цехт олыглалыс. Тав аквоситыл рабочиитн рупитан магыс хултыглалыс, потырталыс.

Волга я наинг хапыт, катерыт, парсат хонт-

лахтын кораплиыг молях емталасыт. Астраханьныл кер лёнгх хосит осямтахтум врагыт нупыл пилысьманг бронепоездыт исыт, туп емтан олип ёли-палт броняныл шпалытныл, сэинг хургытныл варим ватихал слыглас.

Рабочиит ваганыл ат салитим рупитасыт. Тан ёраныл атэ арген ёмас тэнутныл нэгласыт. Тэнутаныл — ат торгамтэгын матурныл варим нянь — хотал палитн акв пунт суп, тувыл та кони пал ос солволтан касэв ломт.

Ул кос. Олупсаныл, советский власть ургалангкве эрыс!

Алексей Пантелеич, матум слесарь яныг ялпынг хотал эли палт, ат номхати, ти ман сир ялпынг хотал олыс, алпылныл эти мус кит смена рупитас.

Тав китах-кем сёс энтапе марумыг хартыгластэ, симе этгалавес, тэнгкве тангхыс. Пуки тэтал ёт соль ат ёмасмахти.

Ти эти тав кум ойкатэн ялпынг хотал кастыл муйлунгкве воввес.

— Я, ювле ул хультын, — кум ойкатэ лавыс. — Соп сав оли: акв ти сёс пусын тэве!

Алексей Пантелеич рупитаме юи-палт ювсялтыс, молямлахтим, ловтхатас, мот уламыл

масхатас, экватэ ёт кон-квалунгкве туп аступтахтыс, та сист ави ратлыгтавес.

— Сялтын! Хонгха тот?—Алексей Пантелеич ронгувлас.

Ави пусхатыс, Астрахань военно-революционный комитет председатель—Сергей Миронович Киров колн сялтыс.

— Пася, ойка!

— Пася.

— Муйлунгкве ман атхатасын?

— Осса! Тии хумле лавунгкве, ам, сяр ватихал ат олыглалн вармальн,—хулынг нянь тэнгкве минэгум. Кумум товлынг хап сёпитан магыс нанан ат пунт колас муйласпиыг майвес. Мен матум экваментыл муйлунгкве ос воввесамен.

— Ам нанг палтын вармаль оньсегум. Таве похан пинунгкве ат рови. Англичаныт Каспийский сярасьныл ман нупылув понигтэгыт. Нангки торгамтилын, манавн ти ат вовим муй махум ёт сяр ёмасякве хонтхатунгкве эри—ман пилисьманг броненосецувныл тананыл рохтуптанкве эри. Сав ат потыртим, „Вармаль“ шхуна[1] ваглын? Ман тав тармылэ пушка унттуптэв.

[1] Шхуна—кит маст ангквалынг парсынг маньнув корапли.

Ти пушка ёли-палн унттын ив охса варунгкве эри. Шхунан акв ти хотал сярансьн минунгкве эри. Варегын?

Ат варунгкве хунь! Мир потыртан сирыл лавунгкве, Алексей Пантелеич пукитэ кивырт эргын турпат сатит сэри пос кос ёнгувес, тыгыл торгамтэн: хулынг нянь ань усам. Я, усам ке вос усам, враг ёхтыгпан порат хулынг нянь тэнэ яныг вармаль хунь?

— Я, вос, Сергей Миронович, минэгум, — тав ювле лавыс. — Туп нётнэ магыс кит рабочий ос эреыг. Амкем, матум хум, варунгкве ат вермегум.

— Ёмас, Пантелеич, минэн, ам ань нангынн нётнэ кит хум кетэгум.

Алексей Пантелеич рупитан матэн ювле минас, станоке сёпистастэ, рабочииг урунгкве патсаге.

Сергей Миронович коммисар Торбин ёт ювсялтысыг.

— Рабочииг ёхтысыг? — Алексей Пантелеич китыгли.

— Тит олэыг, — Сергей Миронович ювле лави. Такви пальтатэ молях ангхвыстэ, ойка палт ёмматас.

— Тэн хоталь тагапасыг? — ойка кантмаявес.

— Мен менки рабочиг олимен, — Киров, мувалим, лавыс. — Нангки ваглын, ялпынг хотал эли-палт нэматхотпа ат хонтсумен.

Ойка кантмаявес.

— Ти манурыл тох, Сергей Миронович! Нанг тии конипал ос сав рупота оньсегын... Тии хумле рови? Ам хотум касынг амкем ти варегум...

— Я, вос оли. Ань, нанг ваглын, пора исум. Нётнэ хумиыгныл ул виксямтэн, мана хурип осмен та осмен.

Тав Торбин ёт тарвит охса талил[1] алмыстэн станокн сёпитастэн. Рупота паялтас. Тамле нётнэ хумиыг ёт пушка ёли-палн унттын охса акв сёс юи-палт аступтим олыс.

— Я-та, пумасипа, Пантелеич, — Сергей Миронович, мувалим, лавыс, тувыл ойкан маньмил мис. — Тиил муйлэн. Хулынг нянь овылтит ул салитэн, ялпынг хотал сис ёмасякве усьлахтэн.

Юн ойка экватэнтыл маньмил лакв-песталастэн, сунсэыг, тот... ань тах, эрынг, мувин-

[1] Тали — матыр тарвит ут алмтан машина.

тангкве патиян, та пора сирыл тот сома мойт такви лэпхатнэ пасан олыс. Сома сурынг тэпынг-магынг тэпынг пури! Маньмил кивырт пус нянь, асых пунтсуп, чай акв нёлолувит, сакарынг маньмил ос папирос кит пачка олсыт.

Сяр яныг вармаль атэ ти маньмилт олыс. Токарь ойка ти маньмил улпыл ат номиланувтэ, ти маньмил тамле нётнэ хумныл ат олнув ке.

ПЛЕНЫГ ВИМ ХОСАХ

Эти, войкан хонтыт ёт яныг хонтлахтын вармаль эли-палт, штабт хонтлахтын совет варунгкве лаввес. Совет заседание эли-палт Киров фронт мувлах автомобилил яласас. Тав пусын аквмус тара-паттунгкве, посынгыг варунгкве эруптас. Киров ёт, Сургучев шофер конипал, командир Пряхов олыс.

Автомобиль ювле — штабн ёнгхуме порат хотал выгрыг емтыс, унтунгкве патыс.

— Онтолув сёс пора мус юв ёхтунгкве эри. Пелпысь тотэн, — Киров шоферн лавыс.

— Шоссе лёнгх хосит минунгкве хоса, лакв варунгкве эри, Сергей Миронович, сохтыг минунгкве лавилын.

— Ат типхатэгын?

— Я, нанг маныр! Тит тамле хот-типнэ ма хот оли?

— Я-та, минэн.

Автомобиль яныг лёнгхныл похан ёнгхыг-пас. Хотал унтыс. Турманлангкве молях патыс. Атахкем километр сипыт ултта миннэ лёнгх хосит минаменыл юи-палт автомобиль илттыг сэйн сялтыс.

Шофер яныг газ мис. Колесыт ёнгхунгкве кос патсыт, машина акв мат унлыс.

— Тох! Нанг соль ёмасыг варсын, сохтыг исын, — Киров лавыс. — Молях тотыслын. Я-та, шинелян хот-ангхвен!

Тав ос Пряхов автомобильныл хот-порыг-масыг, шинеляген автомобиль колесат ёли-палн пинтлунгкве патсаген. Автомобиль шинелиг тармыл элаль манумтахтыс, тувыл ильпилиг тув-пойтыс. Ёл-тагапас. Колесыт ёли-палныл сэй сэвииг эла-патыс, тав ётэ шинелиг ос эла-патсыг.

Капыртасыт, капыртасыт... Колесыт сэйн сяр ёл-сялтсыт.

— Астал! Хунтлэн! — Киров илттыг лавыс.

Шофер мотор ёл-пойтыстэ. Хунтлунгкве патсыт. Соимныл сипыт халныл вот вотыс. Нэт

Гос. Публичная Библиотека в

потранэныл суйтыглас. Тувыл ветра санглумтас. Колодец колесо сихрунгкве патыс.

— Улпыл, павыл ляпат оли. Таратэлн, ам лув магыс ялэгум, — Сургучев китыглахтыс.

— Я, ялэн. Туп молях ялэн.

Та порат илттыг суинг тур сумылас:

— Пасан варвес, Ваше благородие.

Пряхов шофер вангнэн пувумтахтыс, восхим лавыс:

— Та сирыл-та, куль, лёнгх ваглын. Ань ман ти войканыт палт ёхтысув...

Киров лави:

— Автомобиль поратэт ёл-пойтыс, манав врагыт палт ат тотсанэ. Автомобиль шоферныл номтынг. Таве ювле нарумтилув. Молях элминунгкве эри.

Хурум хум вагнаныл тыл автомобильн вортхатасыт. Аква, китыг — вислув! Туп хот-нарыгтангкве ёраныл ат ёхтэгыт.

Ёмас пал кат пал нупыл, соим ватат лувынг хумит илттыг нэглапасыт.

Хосахыт...

Киров ос Пряхов тайт сунт писаляген лэвматсаген. Туйтхатсыт. Сургучев палт реыг вит нэглапас. Хосахыт ти тара-паттияныл, ти ёхтыг-

пегыт! Туп кит тайт сунт писаль, туп нила-хойплув писаль нял... Патлуптим, воянтахтунгкве хот люли... Мувлахе яртмияныл, сагрияныл. Сургучев такви ат вагтэ, тав илттыг сэй тармыл пукитэтыл хуямыг хумле емтыс, лаглаге тэнки урэнтыл автомобиль ёли-палн сялтсыг. Тувыл тав такви машина ёли-палн, эрттум, хартвес.

Хосахыт мотан мотан юи-палт,— эрынг лёнгх хосит — тара-минэгыт. Минэгыт, халанылт потыртахтэгыт.

Нирыт сайныл машина, тананылн эрынг ат нангки. Эт турман. Ти — яныг сот! Ул вос касаланувев, кос миннувыт... Ти сирыл кос...

Киров Пряхов похан ласялакве лаквыс, тав пален матыр та восхыс, тувыл Суручев палт хутаяс.

— Кон-вангкын, ань ман „нелм“ катн паттэв. Хосах пленыг выглув.

Сургучев ала-та ронгхувлас. Аман паляген люльсынг суити? Тан хурум хум, хосахыт атпан вати кем оли. Киров рот катэ Сургучев вангнэн таратахтыс.

— Шинельн Пряховн маен. Ам юи-палумт нир халн вангкын. Ам нир овыл сакватанэм

порат, нонгх-люлюмтэв, сяр юиовылт миннэ хосах пувумтэв. Нангын лув ёл-яртунгкве эри. Ань астал, сяр суйтал.

— Тох, суйтал,—Сургучев нёргатахтыглим лавыс, Киров юи-палт ванкмыгтас.

Нир халн вангксыт. Турман. Эли-паланылт тонгхыт хоплыгтэгыт. Тит. Ляпат. Кат эл-нарыгтилын, та ёхтэгын. Лувыт торхуптэгыт. Сяр юиовыл хосахыт тара ти минэгыт. Тараминасыт. Ос аква мини. Ти сяр юиовылт миннэ хосах. Тав ос тан магылтарсаныл ёхтыс. Сургучев магле кивырт симе лонгханьсяп хольт ратхати. Тав рохтыс—хосахн ти хунтумлаве...

Илттыг нир овыл харсюмтас...

Тувыл пусын акв торыг емтыс: Сургучев порыгмас, серматн пувумтахтыс. Хосах ронгхувлангкве ат алимас, тав пунгке хурыг кивырт хольт, лилтунгкве ат таратан шинель ёли-палт емтыс, тав хотпа-та так катыгн инарныл ёлхартвес.

Киров хосах тармыл понигтахтыс.

Пряхов тайт сунт писалил пленыг вим хосах похен туите.

— Я, туп писгувлын!

Хосах нэгвес.

Тонгхыт хоплыгтанэныл, хосах потыр суит акваыг холыглалсыт. Ампыт павылт хортунгкве патсыт.

— Ань тах автомобильюв лувыл эл-хартилув, — Сургучев касынгысь лавыс.

— Ати, юртхум Сургучев, — Киров ювле лавыс, — ань, секунда ат устим, эл-минунгкве эри. Мустхатунгкве вермегыт. Росюнгкве ат рови. Пленыг вим хосах воелн, ти минэв.

Киров эт котиль порат штабыт олыс.

— Уноват, ювле хультсум, — тав юртхумиянэн лавыс. — Лёнгхыт хосах пленыг пувунгкве артмыс. Манавн „нелм“ ань сака эри.

* * *

Киров автомобиль пусыг хультыс — войканыт катн ат патыс.

Постыглангкве патме порат, хонтлахтын вармаль хунь овылтахтыс, Сургучев артиллерийский лув тагыл ёт автомобиль магыс ёхтыс.

Итынг лувыт автомобиль састум лёнгхн тотсаныл.

Войканыт автомобиль нупыл пушкатыл

патлуптасыт. Автомобиль мувлахе снарядыт лаква-маныгтахтыглалсыт. Сургучев ат пилыс. Шофер самаге эли-палт Киров люлис. Тав пус отрядныл хосах пувунгкве ат рохтыс. Симт касынгыг емтыс, пусын нэматырыг сусхатыс.

ХОНТЛАХТЫН МАТ

Киров Реввоенсовет членыг олыс. Тав пусын элмхоласытн вайвес. Тав нас маснутыл масхатыглас. Русь сопак, кепка ос войкан воротник оньсим, тав хонтлахтын хум хурипаыг ат олыс.

Войкан хонт ёт хонтлан вармаль емтыглам порат Киров акваыг хонтлан мат олыс.

Врагыт ёлимтангкве нётнэ магыс тав, сорменыл ат пилим, сяр пилсьманг мат олыглас.

Фронтн тав Ленинн ос большевистский Центральный комитетн кетвес.

Киров красноармейцытн сака эруптавес.

Красноармейцытныл савпал Северный Кавказт олум акв хонтлан вармаль номияныл. Алхатнэ вармаль сяр пильсмангыг олыс. Войкан

хонт сав олыс. Тан совтытт ёмасякве такмальтахтысыт.

Врагыт холтуптан магыс приказ олыс.

Ти вармаль туп ман пусын отряданув, пусын хонтлахтын хумиянув ёранылтыл варунгкве ровыс. Туп ти пусын люльсынг масхатим, алати тэтал махманув ёранылтыл варунгкве ровыс.

Пусын отрядыт ти атакан лайхатасыт. Юиовыл хонтлан порат хонт холтуптан магыс кавалеря сопасыг туп хультыс.

Элаль квалум красноармейцыт пушкаттыл патлуптам яныг суил ляльт хонтвесыт. Сусхатыс, снарядыт лаква-маныгтахтын порат, емтум най тара-минунгкве ат веритаве.

Снаряд емтан сакыт акваыг мувлахе рагсыт. Враг писаль нял ман патыглам порат, ма порсыг нонгх-алмхатыглас.

Красноармейцыт мотан юи-пал мотан врагыт ляпан вангксыт. Тан пусын элаль лаквсыт, сипытт такмальтахтум врагыт палт ляпан ватимласыт.

Киров командарм ёт ос тав штабе ёт лаквлоньхатам ахвтас яртуп сайт сипт люльсыт. Тан сис-паланылт люлим красноармеец луваныл сермат квалганылтыл осьсанэ.

Тан пусын хонтлан ма нупыл биноклил уральталсыт.

Хонипал флангт врагыт „ура“ суй илттыг сумылас. Офицерский ёр отряд винтовкатыл акв соймныл хонтыг квалапасыт.

Красноармейцыт хуримласыт, рохтысыт. Матах маткем красноармейцыт ювле ёнгыгпасыт. Акв красноармеец, мотан врагыт нупыл сисыг хоми рагатыс.

Савынг сорум.

Красноармейцыт илттыг сиси-оймыгтасыт.

— Танкиянылн эсырма варсыт, ат веритасыт! — командарм ронгхувлас. — Враг фронт аньти лаква-манумтитэ!

Войкан хонтыт тув-поилтангкве, эри! Акв ти сёс ювле нявлунгкве эри! Ти вармаль туп хумус варунгкве рови? Манурыл? Ань кавалерия ке вовунгкве, враг нупыл таратангкве — пулемет нялытыл сав красноармейцыт уступтавет. Ти вармальн ат ке нётунгкве—та кони пал сав красноармеец ос усэгыт...

Командарм номылматыс:

— Кавалерия флангын вос мини!

Приказ минэ магыс, тав ординарец нупыл ёнгыгпас.

Акв та сис Киров лув сис тармыл талматыс.

— Ласял сар, ам бинокль тал тув-анкваталэгум, маныр тот...

Врагыт патлуптам эрт тав квалм пал фланг нупыл султатыс.

— Юртхумиянум! Ам юи-палумт! — хонт нупыл лайхатим, тав ронгхувлас.

Войкан хонтыт ронгхим акваыг тыгле ляльт, нуйхатэгыт. Ляпан ватимласыт.

— Я, нан маныр? Офицерытныл рохтуптахтысэн? Элаль!

Красноармейцыт ёл-пойтсыт. Врагыт нупыл ёнгхыгпасыт.

Ос акв секудна, мотан, тувыл красноармейцыт яныг сатыттыл тав юи-палэт войкан хонт нупыл лайхатасыт. Войкан хонтыт пилтал Киров нупыл патлуптангкве патсыт. Писаль суй сав палныл сумылас.

Лув сис тармыл унлим Киров луве ёт ёлрагатас. Матах маткем красноармейцыт тав похатэн лайхатасыт.

Киров лув ёли-палныл эл-вангкыс. Тав келпыл маниглим олыс, порсыл пергылтахтыс, мось мосмальтавес.

— Юртхум Киров! Нанг лилинг? Хойвесын? Мансир ман хойвес?

— Ати, тох сусхати... Ти лув келп. Лув алам. Юртмахманум, враг нупыл элаль лайхатэв!

Акв секунда ётыл тав овра тур суе суйтыглас. Тайт сунт писаль катт оньсим, нохим, тав ос ильпилиг элаль хайтыс.

— Киров! Ти Киров! — красноармейцыт халт ронгх суй суйтас.

— Ура-а-а-а!

Красноармейцыт, танки эруптан вождяныл эли-палн хайтим, хонтыт нупыл лайхатасыт.

Офицерыт выгыр армия тамле ёр ёт воритотунгкве ат вермысыт, акван тэлыгтахтим, оясыт.

— Ура-а-а-а!—акв ти сёс, хонтлан кан тагынтаптим, писаль суй халт суитас. Пусын выгыр отрядыт хонипал фланг атакан нётсыт.

Командарм, бинокль ёл ат тараталим, Киров юи-палт уральтас. Тав латнге лавунгкве ань мус инг ат алимас. Ординарец, приказе урим, инг аступтахтим люлис. Командарм номилматыс, ювле ёнгхыгпас.

— Кавалерия хонипал флангн кетунгкве ат эри!

———

НАЙ ТЭНЭТЭ

Эт котиль. Баку ус хуи. Ус хулит нэмхотпа атим. Кол иснасыт палт турман. Туп вот сивги, вот пыгын а́лмим порыс иснас луптатн ратхати. Акв колт най тэг.

Иснас похат хаснэ пасан палт пахвынг вангнуп войкан харп самынг хум унли. Тав гимнастерка тохт сунтэ ойталим олыс, тайтаге юв-тохруптимаыг. Янгк пунгк атанэ вильтэн тахумтасыт.

Тав хаснэ нэпак луптан хутаяс, мувалим, пелпысь ханси.

Ти Киров. Тав Сталинн письмо ханси. Ёмас письмо, сягтынг. Баку рабочиит маньлат советский ма магыс нефть маныл нонгх-винэныл овылтит, ампарыт нефтил таглекве тагинтам

овылтит хансим тот оли. Акв та письмот ос хансим оли, хоса наинг туйтыт Москва ос Ленинград заводытн нефть касынг хотал тотыглэгыт. Ма ёли-палт нефть ос сака яныг сопас оли.

Киров улас сисн нохалтахтас, катаге сёпри сис палн магсаге, номсунгкве патыс.

Хосат, тур похат, нефть алисьлапсат нангкегыт. Люлинг нефть вышкат сэмыл карыс менгквыт хурипаыг нангкегыт.

Илттыг най нелм ангквалыг нонгх-лайхатас. Осынг, найныл выгыр посим торумн алмхатунгкве патыс.

Най тэнэтэ... Ти улпыл хотиутн намыл пелумтавес. Мат сир хомыл нонгх-вим нефть холтуптангкве емтыстэ.

Киров акв та сис присент (дождевик) молях масапастэ, кентэ пинумтастэ, колэныл кон-квалапас.

Минута юи-палт хуим ус нум-палт сиренат ронгхувласыт.

Гудокыт ронгхсыт. Эт палит ургалан хумит керн ратсыт.

Тревога! Нефть тэве...

Нонгх-сайкатим элмхоласыт хуйнэ матныл квалапасыт. Рабочиит танки нефть алисьлапса-

ныл ургалангкве пусын ёрныл ус хулит хосит най тэнэ ман хайтысыт. Савпал рабочий хайтнэ-ныл сис масхатасыт.

Ив вышкат най нелмытн пелаявесыт.

Ронгхи. Сивги...

Най нелмыт вотн ёл-хуталталавет, аквыг сав ма пеламлангкве магыртэгыт... Писаль патлуптан хольт, наин таим норыт лятгегыт. Сультмыт, наин таим парт супыт кисгим ногх-рагегыт.

Вот тананыл нонх-алмиянэ, мот вышкатн рагытлиянэ.

Сака реыг — ляпан ластунгкве ат рови.

Рабочиит маныр варунгкве ат ваим аняыг рагытёл-люлюмтасыт!

— Юртхумит, нан манрыг ёл-люльсан? — ронгх суй сумылас.

— Я, мин-арталахтын...

— Нанг маныр. Най катыл харыгтангкве патэгын? Най харыгтан машина сяр мосься — аква, китыг тувыл та... Шлангыт ос ати-мыт.

Та порат мир аня похын призент масим нёвлинг лувынг хум ёммыгтас.

Тав ронгхумламе суй пусынн хулвес:

— Кер мантыт тыг-тотэн! Сакватан керыт, саграпыт. Най мал харыгтангкве патэв. Мувлах олнэ вышкат пусын сакватэн. Пелпыс, юртхумиянум!

Матах мат сат рабочий акв та торыг вышкат лакв-сакватангкве патсыт. Ёл-сагрысаныл, квалгыт тальханылн нэгсаласыт, нёвсалтасаныл, тувыл ёл-патталалсаныл.

Вагтал паттал пренсентыл масхатим хум аквоситыл васинтавес.

Тав мир ёт вышкат сагрыс, ёл-патталалсанэ, ма хилыс, ма носилкыттыл тотыглас, най тэнэ норыт сэил сосынталсанэ.

— Ти хонгха?—элмхаласыт халанылт китыглахтасыт.

Тувыл ёмасякве сунсыглахтум юи-палт тарапатталасаныл:

— Ти Баку сяр яныг ман большевикув—юртхум Киров, нас ати!

Хонгха вагтал патыглас, усьсыс, тав, Киров нупыл сунсим, ильпилиг симынгись рупитангкве овылтахтыглас.

Эт, хотал, китит эт саватим мир най ёт воритотсыт. Юиовылт най ласялнув тэнгкве патыс.

Най яныг нелмыт ёл-поилтангкве артмыс. Най кантынг сультмыт вот сисыг мосься тотунгкве патвесыт. Най тэнэтэ мосься мосьсял тувпойтыглас.

Ос акв сака пилысьманг ма хультыс. Наинг воил таглынг яныг бак похат сараит наин тайвесыт.

Киров рабочиит ос най харыгтан хумит ёт бак похат рупитасыт.

Ильттыг маравиг толматас.

— Ургалахтэн! — ронгх суй сумылас. — Бак лаква-манумтавес!

Киров эл-порыгмангкве ворил ти алимас.

Нефть бакныл сэмыл хумпыл кон-сосыгпахтыс, наин таим норыт мосьсяквен амарас.

Тувыл нефть такви пелаявес, пусын пелумтиме оит хосит тур мус лаква-амаралыс.

Най нелмыт турт хосыгхатунгкве патсыт — эрттум вит ос пелаявес. Ти ост олум нефть тайвес.

Тав вотн тур алмпалн тотунгве патвес.

Тот ос вышкат люльсыт, нефть осьнэ ампарыт — нефтил тагинтаптим яныг ма вонгхат — олсыт.

Ронгх суй вата хосит тарамлас.

— Пусын холас! Ань пусын нефть алисьлапыт пеламлавет.

Ти порат Киров ильпилиг пусын мирн касалавес.

Яныг парт катагет оньсим, тав тур ватан хайтыс.

Тав энтап мус витн хайтлыгтас, пусын ёретыл партыл товунгкве патыс, натим най хотнявлалыстэ.

Котарахтын посимыл самаге посимлавесыг, вильтэ найн сяргувес.

Маснутанэ илттыг пелаявесыт.

Тав пунгкетыл лутыл витн молях мурмыс, тувыл рупотатэ ос элаль тотыстэ. Ань пусын мир торгамтасаныл, маныр варунгкве эри.

Элмхоласыт ловыл, яныг сатыл партыт ёт, кер мантыт, кер луптат ёт нефть эл-равтунгкве турн акв та торыг юртынгысь лайхатасыт.

Турт та кем яныг хумп варсаныл, наин таим нефть акв палн минас.

Най алмпал мус тох ат таратавес.

Нефть алисьлан мат ургалим олсыт.

Туп хурум хотал юи-палт Киров юв-ёхтыс.

Тав сяргим, витынг маснутанэ лисанэ. Кабинетн минас.

Сталин хансум письмотэ инг ат астим пасант хуяс.

Киров пасан похан унтыс ос матах мат кем строчка хансыс: нефть нонгх-винэ мат яныг най тэнгкве патыглас, рабочиит юртынгись пилтал рупитиме най харыгтасаныл. Нефть яныг сопас воянтавес, пус-тагыл хультыс.

Ти письмот Киров такви магсылэ акв латынг ат лавыс.

Тав кат пос пинас, тувыл письмотэ конвертн лап-ханластэ.

КАСКАН

Хонгха няврамытныл Киров кос акв сёс вастэ, тав ти вармаль нэмат хуньт ат ёрыглитэ.

Ам тав ётэ кит сёс пумсингысь хонтхатыгласум. Ам „Тумпытт“ [1] Культура ос Усьлахтын Паркт мань хул няслысум. Пус хотал палитыл ам няслысум, тэнгкве юв ат ялсум. Юн лявтунгкве таях кос патавем, я, вос оли.

Ам ват нупыл ат хулкве аласум. Тан ветрам кивырт уйгаласыт, пусын няврамытн вайвесыт.

Илттыг хотпа-та лавыс:

---

[1] Ленинградт Нева я сунтт тумпыт олэгыт. Акв та тумпт Культура ос Усьлахтын Парк оли. (Парк — ёмасякве сёпитим ивынг ма.) Ань та тумпыт „Киров тумпыг“ лававет.

— Киров юв!

Сунсэгум: пионерыт анял ювыт, тан халанылт ос матах маткем хум ёмегыт.

Аква сартт юв. Тав нэмат сака карс ати, гимнастерка масим, пунгкет войкан фуражка пиним. Тав самаге сяр сериюрыг, пумсингыг. Няврамыт ёт потырти, акваыг мували.

Тии — Киров, Сергей Миронович...

Ам, тав нупылэ сунсиме акв мат картысум, амки хуланум акв мус ёрыгласанум.

Тав ам нупылум сунсыглас, тувыл илттыг ронгхувлас:

— Хул алисьлан хум! Нясын таратаслын!

Ам ювле пермтахтасум — нясум натумлавес. Ам тав юи-палэт лайхатасум, ветрам лаглыл мат сирыл-та хоилтаслум. Ветрам ёл-сосхатас, хуланум ян патсыт, лэганылтыл хосумталсыт, акв та сёс хот-уймыгтасыт...

Ам мувлахум няврамыт мувинтангкве патсыт.

Хулыт анумн салиг ёмтысыт. Ам ветрамт ват нупыл ат хул олыс. Тоха ам пус хотал палитыл нас касыг няслысум.

Ам сам витанум ворил ургалиянум — Киров

акв ляпат олнэ сис люньсюнгкве эсырма. Тав мували.

— Я-та, маныр, — Киров лави, — сортан пусын устысан... Намын маныр?

— Петька!

— Ласял сар, Петя, мен ти вармаль, сусхати, ань сёпитиламен.

Тав септ кисхатас, хурум нясыл варим кер хулкве — каскан анумн такти.

— Сорт алисьлан магыс хулкве воен. Хоса ось ся квалыгн нэгилын тувыл хапныл витн таратилын. Ти хулкве сортн лилинг хулквеыг номыглаве. Сорт таве пувитэ, ти нясн та ликми.

Ам муйласпи катумт тангыртаслум.

Сягтныл ам ронгхувлангкве тангхегум, — ам тур суим акваыг сака суинг: я алумпалт суйти! — Тит, эрынгпыл, ам амки атимум — ам потыр суим туп-туп суйти:

— Сергей Миронович, пумасипа...

Киров мувалс, тувыл няврамыт ёт элаль минас. Ам тан ётаныл минунгкве ос кос тахсум, нясум акван перыгтахтыс. Ам таве хотлосьталамум ос няврамыт юил нявлумум сис Киров минас.

Мось ётыл ам аким ойка палт муйлунгкве минасум. Ам аким ойка—егериг рупити. Егерь—вораян хумит вораян маныл уритэ. Тав сав сёс Киров вораян матэт васинталыстэ. Туп ам аким ойкам—оссамнув. Тав акваыг соп-нелмтал оли, потыртангкве ат эрупти.

Яныг тур тот оли.

Ам Сергей Миронович муйласпи ёт вислум. Туп тув ёхтысум, акв ти сёс тур хосит хапыл минасум. Касканум ёт вислум. Ти каскан няр пум оспа квалыг овылн нэгим олыс.

Яласасум, яласасум—нэматыр ат аласум. Туп усьсум. Хот-та ляпат вораян хумит ватихал патлуптасыт. Эрынгпыл, хул тананылн рохтуптавес. Анумн кант олыс. Ам вата нупыл ёнгхыгпасум.

Паг пухтунгкве патсум, квалгум илттыг маныгтангкве патвес. Квалыг хартунгкве патыслум, та торыг мот овлэт вит такысь ратхатунгкве патыс. Ам сягытасум: „Ул, яныг хул ликмыс“. Паг порыгмасум, хартэгум амки акваыг ти лавегум:

— Паг-яекен, май хулкве.

Хул манумтахтыс—ам витн тахумтасум.

— Я-та! Лэгын вос сайнув,—лавегум,—уркегын, нэмат хоталь ат минэгын!

Хул ос та конипал хартунгкве патыс, квалыг ам катагумныл алата хот-волькасас. Квалыг овлэныл туп-туп урыслум, кат паттам исамыг емтыс.

Сунсэгум: кат паттам келпынг. Тии квалыгн яктувес.

Агмынг, сам витанум кос нэглапасыт, ам квалыг катт ос та конипал такысь тангыртаслум, туля овыл мувлахе перумтаслум.

Киров муйлуптам каскан ам нэмат сирыл ат тартилум. Ам витныл тосам ман квалунгкве емтыгласум, лаглагум ёли-палт восьлах. Ам волькасахтысум.

Пункынг лутынгн витн рагатасум.

Лагыл таляхн нонгх-люлюмтасум милитэ маглум паст оли.

Хул лув хольт харти. Ам алати ронгхегум. Квалыг катныл эрынг таратилум. Тинынг муйласпим ти уступтилум. Квалыг ат ке таратилум, хулн такви юи-палэт витн хартавем.

Ти торыг нирыт илттыг нёвитахтунгкве патсыт, хотпа-та вит сявланг суил витн ваглыс, анум пувыстэ, акв ти сёс ватан паг тотыстэ.

— Тоха-та хул алисьлан хум, — лави, — нанг аман сортн пуввесын!

Ам ювле пермтахтасум — нас ати Киров.

Писале вангнагет, вораян сопакаге энтап мус олсыг. Похе палт олум хургет васыт нангкегыт.

Ам ти ронгхувласум:

— Сергей Миронович!

Тав катэ синумтасум.

Тав осятахтыглас:

— Нанг, маньут, анум ман ханьсислын?

— Сергей Миронович, ти ам — Петька. Номилын, Культура Паркт хул няслысум. Нанг муйласпинтыл ань хул аласум.

— Нанг хулын хот оли?

Ам катум тув тактыслум, регын ёхтувесум: катумт квалыг атим. Сергей Миронович касаламум порат сягтумныл квалыг овыл эрынг тот хот-ёрувласлум, таи магыс катныл хот-таратаслум. Ам хот-устхатасум.

— Вармаль люль, — Киров мувалас, — хулын минас. Я-та, ул номсын ам квалыг пувумтаслум. Тит ти оли!

Мен ласялакве хартунгкве патысламен, яныг сорт ватан хартысламен.

Сергей Миронович ат олнув ке, сорт анумныл мак миннув.

Ам тавен лавегум:

— Сергей Миронович, сорт нангкинн воелн.

— Нанг маныр! Ти кем яныг сорт юв-тэнгкве ам ат вермегум!

Тох ат вистэ.

Тав пайтум патлялтастэ, тувыл минас. Касканум ул вос устын магыс ам таил хул васыг ат алисьласум.

Ти Сергей Миронович номнэ магыс осьнэ утум.

Н. БЫЛЬЕВ

РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

ПУШЕЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Полчища белогвардейцев обложили Астрахань.

С одной стороны генерал Покровский лез с казаками.

С другой — генерал Толстой наседал.

С третьей — генерал Улагай.

С четвертой, с пятой — банды Драценко, Склянина, Хлебникова, есаула Бичеракова, — да всех и не перечесть!

А на Каспийском море блокадой стояли англичане на захваченных русских кораблях.

У генеральских войск была еда сытная. Винтовок и патронов — сколько хочешь.

А в осажденной Астрахани было голодно.

Ели соленую воблу — „карие глазки". Хлеба по полфунта в день, а иногда и того меньше.

Патронов тоже частенько нехватало.

Враги жаждали разгромить советскую Астрахань, расправиться с рабочими, залить улицы города кровью большевиков. Но в Астрахани у рабочих был замечательный командир — товарищ Киров. И все вместе эти генералы ничего не могли поделать.

Киров, бывало, по нескольку ночей подряд не спал, не уходил из штаба.

Он всегда успевал разузнать, откуда белые готовят удар.

Враг пытается взять и силой и неожиданностью, но всюду натыкается на отряды, посланные Кировым, всюду получает жестокий отпор.

Красноармейцы дерутся зло, отчаянно, до последних сил.

Дерутся, но не отступают.

Белые пошли на хитрость.

В городе еще много оставалось прежних рыбопромышленников, попов, торговцев, их сынков да приказчиков. Все это был люд ненадежный, который советскую власть не любил. К ним-то пробрались белые офицеры и устроили заговор. И вот, весной, в самом городе вдруг — тра-та-та-та! — началась пальба.

К Кирову в штаб прибежали рабочие из порта, с заводов, беспрерывно звонит телефон.

Отовсюду сообщают:

„Тревога! Начался белогвардейский бунт!“

„Бунтовщики подошли к мосту через реку Кутум!“

„Бунтовщики разгромили склад оружия, разобрали винтовки. Бунтовщики уже в порту, на слободках, они наступают со всех сторон. Мы в кольце!“

А за окнами точно горох на железо сыплют, — такая стрельба идет. Как быть? Говорят:

— Красноармейских частей у нас почти нет — все посланы на фронт.

Киров спокоен.

— Всем коммунистам, и мужчинам и женщинам, стать под винтовку и вместе с рабочими составить боевые отряды, — говорит он. — Сколько бы ни было белых, мы разгромим их во что бы то ни стало!

И он первым берет винтовку.

День и ночь на улицах идут бои. Красные отряды атакуют бунтовщиков. Отгонят белых с одной стороны — те с другой наступают.

Там их остановят — они с подкреплениями снова сюда идут. И с каждым часом врагов как будто бы все прибывает.

Все теснее сжимается кольцо!

Тут кой-кто и нос повесил. Пошли такие разговоры, что, пожалуй, не справиться с бунтом...

К Кирову пробрался со стороны белых один наш парень, слесарь Гудков.

— Скверная весть, товарищ Киров. К ночи враг готовится к штурму. Лавочникам да конторщикам, гимназистикам и всякому сброду винтовки раздают, составляют свежие отряды. А у порта, в доме возле церкви святого Владимира, белые устроили штаб. Кругом — охрана... Там все главари бунта сейчас собираются — это старые, опытные, видно, еще царские офицеры!

— Хорошая весть! Очень хорошая, — сказал Киров и собрал экстренный совет.

— Вот, товарищи, мой план: нужно разгромить штаб белых сегодня же. Немедленно. Пока главари в сборе. Штаб — это голова мятежа. А как мы голову отшибем, — с остальными-то легко справимся. Позабудут и про штурм.

На совете все зашумели:

— Правильно! Разгромить штаб!

— Но, вот, как это сделать? К штабу-то нам не прорваться.

— Это верно — не прорваться, — говорит Киров. — А пушки на что? Надо из пушек стрелять!

Тут кто просто молчит, кто головой качает.

— Это невозможно, — говорят. — Ведь вокруг да рядом с тем домом, стенка к стенке, другие дома стоят. Всюду рабочие живут, все они сейчас тут, у нас, сражаются. Там остались женщины с ребятишками. Их-то за что снарядами убьет? Нет, нет! Этого никак нельзя.

Киров говорит:

— Надо так метко выстрелить, чтобы попасть только в тот дом, где штаб, и ни один соседний дом не задеть. А для этого нужен нам очень опытный артиллерист-наводчик. Нет ли такого у нас?

— Нет. Среди наших-то не найдется...

А кто-то и сказал:

— Живет в Астрахани один старик, очень хороший артиллерист, старой армии офицер.

— Ну, наверно, он сейчас с белыми?

— Нет, не с белыми.

— Неужели он красный?

— Да и не красный, а не поймешь какой. А спроси его, за кого он: за красных или белых, у него один ответ: „Деритесь там без меня“.

Киров засмеялся и сказал:

— Ну, раз к белым не идет, то, верно, он нам не враг. Пришлите его ко мне.

— Не пойдет. Ни за что не пойдет. Старик он строптивый.

— Ну, тогда я сам к нему пойду.

Проводили Кирова к этому артиллеристу.

Что там ему Киров говорил, никто не слыхал.

Только, как вышли они потом на крыльцо, долго пожимали друг другу руки и все улыбались.

— Значит, дедушка, так и сделаем?

— Ну, Сергей Мироныч, раз я сказал, значит, так тому и быть.

Часом позже красные отряды осторожно подошли близко к улицам, занятым бунтовщиками, и спрятались в засадах, во дворах домов.

От Кирова был приказ: по пушечному выстрелу отрядам во всех частях города внезапно атаковать белых.

На улицах кой-где только наши пулеметчики строчили.

Киров с артиллеристом и слесарем Гудковым отправились в крепость в центре города. Там стояли пушки.

Из крепости Гудков указал дом, где был штаб, и передал артиллеристу бинокль.

— Вон, дедушка, левей церкви серая крыша чуть виднеется за другими домами. Этот и есть. Не промажешь, старина?

— Ведь это все равно, что в горшке с кашей в намеченную крупинку попасть! — воскликнул Киров.

Артиллерист усмехнулся. Он посмотрел на карту, что-то вычислил на бумажке, приказал заложить снаряд и стал наводить тяжелую пушку.

— Ишь жужжит, — сказал Гудков, — шмель в гости летит...

Над крепостью появился английский самолет.

Он стал делать круги и спускаться все ниже.

— Ведь вот гад, заметил, что его друзьям мы тут сюрприз из орудия готовим. Он может и бомбу сбросить...

— Да уж не пряниками станет угощать, — сказал Киров.

Самолет вдруг пронесся над пушкой.

— Бомба! Ложись! — воскликнул старик. Все бросились грудью на землю... Фонтан земли и камней с грохотом взлетел в воздух невдалеке от пушки на крепостном дворе. И тут вдруг со всех сторон из города послышалось далекое „ур-ра-а“.

Это отряды из засад бросились в атаку.

Видно, взрыв бомбы они приняли за условленный пушечный выстрел.

Киров вскочил, помог встать старику. А самолет пролетел в сторону и снова повернул к крепости.

— Дедушка, поспеши! Теперь все зависит от тебя. Не успеем выстрелить, только зря наш народ перебьют.

— Готов! — сказал старик, и ахнул выстрел.

Киров на секунду приложил бинокль к глазам, раздался взрыв. Попал ли старик в цель? Этого было не разобрать. Столб пыли и дыма стоял в той стороне, где был штаб.

— Ну, а если не попал?.. Тогда прорваться! Взять штурмом!

Киров перебежал двор и на автомобиле помчался к отрядам, наступавшим к церкви святого Владимира.

Позади над крепостью с самолета застрекотал пулемет.

Белые начали было отчаянную стрельбу, но вдруг у них что-то заело. По их рядам пронеслась страшная весть:

„Штаба нет!“

Точно чудом упавший тяжелый снаряд снес дом.

Почти все там погибли под рухнувшими стенами. Бунтовщики остались без главарей.

А тут со всех сторон красные отряды нахлынули. Не дают опомниться. Бьют. Гонят. Гимназисты, лавочники первые стали швырять оружие, шмыгать по дворам. Началась паника. Враги всюду в беспорядке побежали. Соседние с рухнувшим штабом дома остались целые. Только стекла в окнах повылетели да кое-где обвалилась штукатурка.

— Вот это выстрел! Ай да дед! — повторял Киров.

Вдруг вражеская пуля ударила рядом с ним в стену дома и отскочила со стоном.

Какой-то рабочий обернулся и крикнул сердито:

— Товарищ Киров! Что вы все на улицах! Что вы рветесь вперед? Если вас убьют, как же мы останемся без командира?

Киров, улыбаясь, ответил:

— А какой же это командир, если он будет плестись в хвосте.

РАЗВЕДКА

Предстояло большое наступление на белых. В штабе ждали сведений от разведчиков. Наконец пришел пакет. Киров распечатал его и рассердился:

— За целую неделю о силах противника нет ни одного толкового донесения. Есть ли белые за рекой Кумой, сколько их там — ничего не понять! В разведке либо разгильдяи, либо...

И не договорил.

Повернулся ко мне.

— Вот что, Сургучев. Заправляй бензином своего коня и едем. Возьмем с собой „максима".

— Есть, — говорю.

А куда поедем, я, конечно, не спросил.

Я — шофер.

Мое дело везти, куда Сергей Миронович скажет.

„Ну, — думаю, — раз „максима" берем, — значит, едем по серьезным делам".

А „максим" — это пулемет.

Конь у меня на четырех колесах, быстроходный — автомобиль „Фиат". Зверь, а не машина. И, что главное, — бесшумный.

Словом, через пять минут мы выехали.

Сергей Миронович зарядил „максима", говорит мне:

— От моста за рекой Кумой дорогу знаешь? Надо будет проехать по ней километров на пятнадцать вглубь.

— Можно, — говорю.

— А вот шлем со звездой, пожалуй, зря ты, Сургучев, надел.

И сразу стало мне все понятно: мы сами едем в разведку.

Взглянул я на Сергея Мироновича — надета на нем защитная фуражка и без звездочки.

А ведь по моему красноармейскому шлему враги легко смогут издали узнать, кто мы такие.

И я стащил шлем с головы и положил под себя.

В те времена в Красной армии часть командиров была из бывших царских офицеров.

Среди них не все были честные — попадались изменники.

Как видно, Сергей Миронович решил проверить, правильно ли сообщает разведка, не затесался ли туда какой-нибудь изменник.

Переехали мы мост и помчались по дороге, поднимая пыль.

Едем десять минут, двадцать. Все тихо. Беляков не видать.

Выехали на бугор, а за бугром — село. Опять ничего такого не видно.

— Дальше, через село! — командует Киров и поправил ленту у пулемета.

Полным ходом въезжаем в улицу. Машина подпрыгивает на глубоких колеях. Куры с кудахтаньем разлетаются из-под самых колес. Псы, надрываясь, гонятся сзади.

— Вон кони, — говорю, — в саду, военные кони.

— Улов есть, — слышу отвечает Киров.

И вдруг прямо перед нами — солдаты. Белые. Кучей сидят на крыльце.

Я навалился на тормоз — под колесами заскрипело. А солдаты взглянули на автомобиль, и кое-кто повскакал на вытяжку.

— Не останавливай! За своих нас приняли! Дело! — рассмеялся Киров.

Даю газ. Машина мимо солдат вылетела на церковную площадь.

— Теперь поворачивай.

И я делаю по площади круг.

За церковью конная батарея стоит и броневик. Шофер ковыряется в моторе.

Навстречу выбегает из хаты офицер. Машет нам, кричит что-то. Видно, хочет остановить, опросить.

А я ему — длинный гудок. Берегись, мол, зашибу. И в пыли, как в дыму, мы уносимся прочь.

А те, солдаты, опять нам ничего: ведь с гудком едем. Значит, все в порядке. Задержать нас не думают.

Ну и „максим“ наш молчит.

Машина мчится уж мимо крайних хат. Вон и бугор.

И тут такой ветрище дунул, волосы бьют по глазам — не вижу ничего. Боюсь, с такого хода в канаву не влепиться бы.

Изловчился я и нахлобучил свой шлем.

— Что ты делаешь? — вскрикнул Киров и сорвал шлем с моей головы.

И вдруг сзади хлопнули выстрелы. Пули зацокали по дороге.

Но машина взлетела уже на бугор.

А как съехали мы по ту сторону — и село скрылось.

Километров десять пронеслись одним духом.

Вот уже поблескивает река Кума.

— Ну, миновало, — говорю, — теперь-то мы дома, хорошо съездили.

Тут глянул я в поле.

— Никак там что-то мелькает? Смотрите, Сергей Миронович. Вон, левей дороги. Что это?

А он отвечает так спокойно:

— Я уже раньше заметил. Ясно, что это такое. Белые из того села про нас, видно, успели сообщить по телефону. Это кавалеристы скачут к мосту, нам наперерез. Прибавь-ка ходу.

А шоссейная дорога тут делает небольшой крюк.

— Подождите, — говорю, — сейчас я белякам нос срежу. Возьму вправо по проселку. Не успеют они раньше нас к мосту доскакать.

Но сердце у меня ёкнуло...

Только свернул я на проселок, а впереди, совсем близко — пехота. Белогвардейцы с винтовками тоже к шоссе бегут.

— Экой ты корявый! Ну, куда ты, голова, завез? Живо поворачивай назад!

Вырвалась моя машина с проселка снова на шоссе, и дал я полный газ.

Но пока я на эту проклятую канитель минуты терял, всадники стали ближе к мосту. Им уже немного осталось скакать.

Мы мчимся — ветер свистит.

Вцепился я в руль и сам себя ругаю:

„Вот остолоп! И все это, верно, из-за моего шлема случилось. Дернуло же меня в селе нацепить его. Киров-то, Киров может погибнуть ни за что... И как это он связался с таким дураком, как я..."

Теперь все от секунд зависит. Кто раньше поспеет к мосту — белые или мы.

Я ору:

— Сергей Миронович, да стреляйте же в них скорей из пулемета! Пусть гады обождут немного, пока мы на мост въедем.

— Не могу, — говорит. — Ты мешаешь — впереди сидишь. Боюсь в твоей голове дырку сделать.

— Тогда, — кричу, — беляки нам головы срубят!

— Ходу. Еще ходу, — сказал твердо Киров и вдруг сам надвинул на меня мой шлем с красной пятиконечной звездой во весь лоб и взялся за рукоятки „максима".

Машина мчит на предельной скорости. И всадники летят. Вот они, вот! Совсем близко.

Кони прямо распластываются по воздуху.

Кажется, что их ноги не касаются земли.

Первые всадники выскочили перед нами на мост. Клинки сабель сверкнули в воздухе.

Как проскочить?

С такого хода лишь только задеть коня — опрокинешься! Гибель. Смерть... Хотел заорать — задохся.

В тот же миг запалил пулемет. Кони шарахнулись, вздыбились. Мы промчались под самыми мордами.

Я невольно втянул шею. Сабли стукнули по машине. Шлем слетел у меня с головы.

А Сергей Миронович, пригнувшись к щитку пулемета, без промаха бил по врагам.

Через секунду мы уже были по ту сторону реки. Мост, всадники — все скрылось позади в туче пыли.

Сергей Миронович наклонился в машине и поднял мой рассеченный шашкой шлем. Он дружески, крепко хлопнул меня по плечу.

— А везет нам, большевикам! Мы неоспоримо победим!

ПОДРУЧНЫЙ

Вспомнить, — трудный был год... Тысяча девятьсот девятнадцатый.

Если бы не было тогда в городе Астрахани Сергея Мироновича Кирова, разгромили бы Астрахань белогвардейские полчища.

Киров кольцом фронтов опоясал город. Сам он был неутомим. Всюду можно было его видеть. Исхудалый, посеревший, часто не спавший по нескольку ночей подряд, он и объезжал фронты и в городе бывал на каждом заводе, в каждом цеху. Всюду разъяснял, давал указания рабочим.

И речные волжские суда, даже катеры и баржи быстро перестраивались на военные корабли. По железным дорогам

из Астрахани на изумленных врагов катились грозные бронепоезда, а под стальной серой окраской броня эта частенько бывала из шпал да мешков с песком.

Рабочие трудились, не щадя сил. И силы брались, конечно, не со знаменитых харчей: хлеба — не поймешь из чего — по полфунта в день да паек соленой воблы на первое и на второе, а хочешь — и на сладкое...

А нужно было защищать жизнь, защищать советскую страну.

Старик-токарь Алексей Пантелеич, в канун большого праздника, не помнится уж какого, отработал две смены подряд — с самого утра до позднего вечера.

Он уже раза три потуже подтягивал ремешок — под ложечкой так и сосало. Брюхо-то с голодом не дружит.

А в этот вечер звал его к себе кум в гости поужинать. По случаю праздника.

— Но смотри не запаздывай, — предупредил кум, — а то ртов много: враз все подчистят.

После работы Алексей Пантелеич забежал домой, наспех помылся, приоделся и только собрался с женой из дому, как в дверь постучались.

— Войди. Кто там? — крикнул Алексей Пантелеич.

Открывается дверь и входит сам председатель Астраханского военно-революционного комитета — Сергей Миронович Киров.

— Здорово, старина!

— Здравствуйте.

— В гости, что ли, собрался?

— Да, как бы это сказать, иду на необыкновенное редкостное событие — на пирожок с рыбой. Кум за ремонт самолета от вас вот премию — пять фунтов муки — получил. Ну и нас со старухой позвали угоститься.

— А у меня к тебе дело есть. Отложить его невозможно. Англичанин с Каспия напирает. Полагается нам, сам понимаешь, с должным почетом встретить непрошенных гостей — пугнуть их с какого-либо грозного нашего броненосца. Короче говоря, шхуну „Дело“ знаешь? На нее мы установим орудие. Так вот под орудие нужно выточить деревянную подушку. Шхуна сегодня же должна выйти в море. Выручишь?

Ну разве можно отказать! Хоть в животе у Алексея Пантелеича, как говорится, горнисты седьмую зорю сыграли, и, значит, пропал пирог — до пирогов ли тут, когда враг подступает.

— Что ж, ладно, Сергей Миронович, — ответил он. — Но надо бы еще двоих подсобных рабочих. Одному-то мне, старику, не управиться.

— Хорошо. Иди, Пантелеич, а я сейчас пришлю тебе двух человек.

Вернулся Алексей Пантелеич в цех, станок наладил и стал поджидать рабочих.

Входит в цех Сергей Миронович и с ним комиссар Торбин.

— А рабочие пришли? — спрашивает Алексей Пантелеич.

— Здесь уже! — отвечает Сергей Миронович, а сам быстро тужурку скинул и подошел к станку.

— Да где же они замешкались? — рассердился старик.

— Мы эти рабочие и есть, — весело сказал Киров. — Знаешь, канун праздника — никого не нашли.

Старик рассердился.

— Да как же так, Сергей Миронович! Ведь у вас и без того дел хватает... Как это можно? Я уж сам без вас как-нибудь...

— Да уж ладно. Время, знаешь, горячее. Уж не брезгай подручными, — какие есть...

И он с Торбиным ловко закрепил подушку на тали и установил ее на станок. Работа закипела. С этими помощниками у старика уже через час подушка под орудие была готова.

— Ну, спасибо, Пантелеич, — сказал, улыбаясь, Сергей Миронович и подал токарю узелок. — Угощайся вот, не жалей о пироге, а на праздник отдохни как следует.

Дома старик с женой развязали узелок, и было там... сейчас вот, поди, улыбаться начнете, а, по тогдашним временам, было там, как в сказочной скатерти-самобранке, все для неслыханного пира: буханка хлеба, полфунта колбасы, восьмушка чаю, фунтик с сахаром и две пачки папирос.

Да не в этом узелке была суть, и не запомнился бы он старику-токарю, если б не был получен от такого подручного.

ПЛЕННЫЙ КАЗАК

Вечером накануне большого боя с белыми в штабе назначили военный совет. Перед заседанием совета Киров на автомобиле объезжал фронт. Он любил сам все как следует проверить и узнать. С Кировым, кроме шофера Сургучева, был командир Пряхов.

Солнце уже побагровело, стало садиться, когда автомобиль повернул в обратный путь — к штабу.

— К девяти надо быть. Вези поскорей, — сказал Киров шоферу.

— По шоссе ехать далеко, крюка давать. Разрешите, Сергей Миронович, проеду покороче, напрямик.

— А не заблудишься?

— Нет, что вы! Где ж тут заблудиться?

— Ну, поезжай.

Автомобиль свернул с большой дороги в сторону. Солнце зашло. Стало быстро темнеть. Проехали километров пять холмами по проселочку, и вдруг машина увязла в песке.

Шофер дал полный газ. Колеса завертелись, но машина — ни с места.

— Так! Красиво напрямик срезал, — сказал Киров, — быстро довез. А ну, скиньте шинели!

Он и Пряхов соскочили с машины и стали подкладывать шинели под колеса. Машина рванулась по шинелям вперед и опять стоп. Засела. Вихрем из-под колес вылетел песок, а вместе с ним и шинели.

Бились, бились... Колеса совсем закопались.

— Тише! Слушайте! — вдруг сказал Киров.

Шофер выключил мотор. Стали прислушиваться. Из оврага между холмами тянул ветер. Были слышны женские голоса. Потом брякнуло ведро. Заскрипело колесо колодца.

— Видать, хутор близко. Разрешите, за конями схожу,— попросил Сургучев.

— Иди, пожалуй. Да только поживей.

Но тут донесся вдруг зычный голос:

— Ваше благородие, извольте к столу.

Пряхов так и вцепился шоферу в плечо и шопотом:

— Так-то, леший, дорогу знаешь! Ведь это к белым заехали...

Киров говорит:

— Во-время автомобиль застрял. Не завез к врагам. Машина-то умней шофера. Толкнем ее в обратную сторону. Надо убираться поскорей.

Плечами все трое уперлись в автомобиль. Раз, два — взяли! Но сдвинуть сил нехватало.

Вдруг справа над овражком показались черные силуэты всадников.

Казаки..

Киров и Пряхов мигом выхватили наганы. Притаились. Сургучева пóтом прошибло. Вот казаки заметят, налетят. Только два нагана, только четырнадцать пуль... Не отстреляться... Окружат, порубят. И, сам не знает как, он вдруг очутился брюхом на песке, ноги сами собой полезли под машину, и всего его туда так и подтягивало.

Казаки гуськом, — как видно, по тропинке — едут мимо. Едут, переговариваются.

За кустами, должно быть, машина им не видна. Ночь темная. Вот счастье-то! Хоть бы не заметили, миновали... Хотя бы так...

А Киров осторожно придвинулся к Пряхову, пошептал что-то на ухо и наклонился к Сургучеву.

— Вылазь. Сейчас языка добудем. В плен казака возьмем.

Сургучев чуть не вскрикнул. Ослышался, что ли? Их всего трое, а казаков, поди, с полсотни...

Спокойная рука Кирова опустилась ему на плечо.

— Дай Пряхову шинель. Ползи за мной в кусты. Как я сучком хрустну, всем вскочить, схватить самого последнего казака. Тебе — коня удержать. Тихо, без шуму.

— Есть без шуму, — заикаясь пробормотал Сургучев и пополз за Кировым.

Проползли в кусты. Темно. Впереди стучат копыта. Тут. Близко. Протяни руку — достанешь. Кони всхрапывают. Вот уж последние казаки проезжают. Проехали. Еще один едет. Самый задний. Вот и он поравнялся. Сердце у Сургучева — что колокол в груди. Он даже испугался — казак услышит...

Вдруг хрустнул сучок...

Тут все произошло в один миг: Сургучев прыгнул, вцепился в узду. Казак не успел и вскрикнуть, как голова его, точно в мешке, очутилась под душной шинелью и чьи-то крепкие руки стащили его с седла.

Киров навалился на казака.

Пряхов наганом тычет пленного в бок.

— Только пикни!

Казака скрутили.

Все тише доносился цокот копыт и голоса казаков. На хуторе залились собаки.

— Вот теперь-то с конем мы и вытянем машину, — сказал повеселевший Сургучев.

— Нет, товарищ Сургучев, — возразил Киров, — теперь, не теряя секунды, надо уходить. Хватиться могут. Мешкать нельзя. Забирай пленного — и пошли.

К полночи Киров был в штабе.

— Виноват, опоздал, — сказал он товарищам. — Дорогой довелось захватить белого. Уж очень язык-то нам сейчас кстати.

* * *

Кировский автомобиль уцелел — не достался белым.

Когда на рассвете начался бой, Сургучев вернулся за машиной с упряжкой артиллерийских коней. Горячие кони вынесли ее к шоссе.

Белые били по машине из пушек. Снаряды рвались кругом. Но перед взором шофера стоял Киров. Ведь не побоялся он отбить казака у целого отряда.

На сердце становилось весело, и все казалось нипочем.

В БОЮ

Киров был членом Реввоенсовета армии. Все его знали. Одевался он просто. Носил русские сапоги, кепку, белый воротничок — как не военный человек. Когда происходили с белыми большие бои, он всегда бывал на месте сражения. Не боясь смерти, он находился в самых опасных местах, чтобы помочь одержать победу над врагом.

Ведь в армию его послали Ленин и Центральный комитет большевиков.

Все бойцы любили товарища Кирова. Многие из них тогда запомнили один случай в бою на Северном Кавказе.

Бой был жестокий. Белые хорошо укрепились на холмах. Но был приказ выбить врагов.

Это можно было сделать только дружным ударом всех

частей, всех бойцов. Всех наших плохо одетых, кое-как сытых людей.

И все части были брошены в эту атаку. В запасе оставили только кавалерийский полк, чтобы нанести решительный удар врагу в конце боя.

Зловещим грохотом пушек встретили белые наступающих красноармейцев. Казалось, не пройти сквозь огненную стену рвущихся снарядов.

Стальные осколки летели во все стороны. От вражеских пуль повсюду струйками взлетала сухая земля.

Но красноармейцы цепь за цепью ползли, перебегали. Всё вперед. Всё ближе к засевшим на холмах белым.

Киров вместе с командармом и его штабом стоял на пригорке за развалившейся каменной оградой. Позади ординарец держал на поводу коней.

Все следили в бинокли за сражением.

На левом фланге вдруг послышалось вражеское „ура". Сильная офицерская часть с винтовками наперевес выскочила из овражка.

Бойцы растерялись... Дрогнули. Вот несколько повернуло назад. Вот упал один... другой — спиною к врагу... Позорная смерть... Вдруг бойцы побежали.

— Не выдержали, осрамились ребята! — вскрикнул командарм. — Враг прорывает фронт!

Остановить! Немедленно отбросить белых назад! Но как? Чем? Вызвать кавалерию? Пустить ее сейчас на врага в лоб — значит потерять под пулеметным огнем много бойцов. А не помочь — погибнет еще больше...

Командарм решился:

— Кавалерию на фланг!

Он уже повернулся к ординарцам, чтобы отдать приказание. Но в ту же секунду Киров вскочил на коня.

— Подожди-ка, взгляну без бинокля, что там!

И он помчался под пулями на левый фланг.

— Товарищи! За мной! — закричал он, вырываясь из рядов красноармейцев навстречу врагу.

А белые с ревом несутся. Вот они. Близко.

— Что вы — офицерья испугались?

Красноармейцы остановились. Повернули.

Еще секунда, и сотни бойцов снова бросятся в бой, увлеченные таким примером. Белые стали бить скорей по смелому всаднику. Выстрелы в упор загремели сразу со всех сторон.

Всадник с конем рухнул на землю.

Несколько бойцов кинулись к нему.

Он выбирался из-под коня, был в крови, в пыли, очень сильно ушибся.

— Товарищ Киров! Жив? Ранен? Где?

— Кажется, нет... Это кровь коня. Конь убит. Вперед, друзья, на врага!

И через секунду уже снова раздался его громкий голос. С наганом в руке, прихрамывая, он опять бежал вперед.

— Киров! Это — Киров! — крик пронесся повсюду в цепях красноармейцев.

— Ура-а-а-а!

Бойцы, обгоняя своего любимого вождя, лавиной яростно бросились на врагов. Офицеры не выдержали такого удара, смешались, побежали.

— Ура-а-а-а! — сейчас же разнеслось в треске выстрелов по всей линии боя. Все части подхватили атаку левого фланга.

Командарм, не отрываясь от бинокля, следил за Кировым. Он так и не договорил своего приказания. Ординарцы навытяжку всё еще стояли в ожидании. Командарм, вспомнив, обернулся:

— Отставить кавалерию на фланг!

ПОЖАР

Поздняя ночь. Город Баку спит. На улицах пусто. В окнах домов темно. Только ветер завывает, да поднявшаяся вихрем пыль стучит в стекла. В одном доме горит свет.

У окна сидит за письменным столом широкоплечий сероглазый человек. Ворот его гимнастерки расстегнут, рукава засучены. Прядка русых волос сбилась на лоб.

Он склонился над листом бумаги, быстро пишет и улыбается.

Это Киров. Он пишет письмо Сталину.

Письмо хорошее, радостное. Про то, как дружно бакинские рабочие добывают нефть для молодой советской страны. Про то, что уже полны нефтяные амбары.

Про то, что длинные поезда каждый день увозят нефть на заводы в Москву, в Ленинград. А под землей запасы нефти — огромные.

Киров откинулся на стуле, заложил руки за голову, задумался.

Далеко у озера видны промыслы. Чернеют башни — нефтяные вышки, — точно застыли полчища великанов.

И вдруг там высоко взметнулся столб пламени. Густой, красный от огня дым повалил в небо.

Пожар...

Должно быть, это поджог. Какой-нибудь злодей решил уничтожить добытую нефть.

Мгновенно Киров накинул дождевик, нахлобучил фуражку, выбежал из дому.

Через минуту над сонным городом уже раздавался вой сирен.

Протяжно застонали гудки.

Ночные сторожа отчаянно били в набат.

Тревога! Нефть горит...

Разбуженный народ вскакивал с постелей. По улицам со всех сторон на пожар бежали рабочие — спасать свои промыслы. Многие одевались на бегу.

Высоченное пламя уже охватило деревянные вышки.

Гудит. Бушует...

Языки огня пригибаются по ветру, захватывают все больше добычи... Оглушительно трещат горящие бревна, точно пальба идет. Головешки, целые куски горящих досок со свистом взлетают вверх. Ветер зло их швыряет на крыши, на другие вышки—далеко по сторонам.

Жар такой — не подойти.

Рабочие остановились толпой, не зная, что делать.

— Товарищи, что же встали? — раздался голос.

— Поди — сунься...

— Ты что ж — огонь-то руками станешь гасить? Пожарных машин — раз, два и все... И шлангов нету.

Но тут к толпе подошел коренастый человек в дождевике.

Он крикнул так, что все услышали:

— Лопаты сюда! Ломы, топоры! Огонь будем землей засыпать! Ломайте все вышки вокруг. Дружней, товарищи!

Сотни рабочих сразу же бросились ломать вышки. Рубили их, привязывали к ним веревки, раскачивали, валили их.

На пожаре всюду видели неутомимого человека в дождевике.

Он вместе со всеми рубил и валил вышки и землю копал, таскал ее на носилках и засыпал пылавшие бревна.

— Кто это? — спрашивали люди друг друга.

А присмотревшись, узнавали:

— Да ведь это же главный бакинский наш большевик— сам товарищ Киров!

И кто утомился, устал, тот, глядя на Кирова, снова горячо брался за дело.

Ночь, день, вторую ночь измученные люди боролись с огнем. Наконец огонь стал сдавать, отступать.

Уже удалось сбить большое пламя. Уже меньше злых искр неслось по ветру. Пожар понемногу стихал.

Оставалось еще одно очень опасное место,—возле огромного бака, полного нефти, горели сараи.

Киров вместе с рабочими и пожарными работал у самого бака.

Вдруг глухо бухнуло.

— Спасайся! — раздался крик. — Бак разорвало!

Киров едва успел отскочить.

Черной волной из бака хлынула нефть, на миг затопила пылавшие бревна. Сама вспыхнула и, все зажигая, разлилась потоком по низине до самого озера.

И на озере запрыгали язычки огня—точно зажглась вода. Это пылала расплывавшаяся по воде нефть.

Ветер погнал ее к другому берегу.

А там стояли еще вышки, были нефтяные амбары — огромные ямы, полные нефти.

Ропот пронесся над берегом:

— Все пропало. Теперь загорятся все промыслы.

Тут снова все увидели Кирова.

С большой доской в руках он бежал к озеру.

Вбежал в воду по пояс и изо всех сил стал грести доской — отгонять прочь наплывавший огонь.

Едкий дым застилал ему глаза, огнем припекало лицо.

Одежда на нем вдруг загорелась.

Он быстро окунулся с головой в воду и продолжал работать.

Теперь все поняли, что надо делать.

Десятки и сотни людей с досками, с лопатами, с железными листами мгновенно бросились за ним в озеро дружно отгребать нефть.

На озере подняли такую волну, что горевшая нефть поплыла в сторону.

К другому берегу огонь так и не подпустили.

Промыслы были спасены.

Только на третий день вернулся Киров домой.

Он сбросил с себя обгоревшую мокрую одежду.

Прошел в кабинет.

На столе лежало его недописанное письмо Сталину.

Киров присел к столу и приписал еще несколько строк: о том, что на промыслах случился большой пожар, что героические рабочие дружными усилиями пожар загасили. Главные запасы нефти спасли.

Ни одним словом Киров не упомянул о себе.

Он подписался и заклеил письмо в конверт.

БЛЕСНА

Кто из ребят хоть раз видел Кирова, никогда этого не забудет.

А у меня с ним были даже две удивительные встречи.

Как-то удил я пескарей в Парке культуры и отдыха на островах. Целый день удил и обедать не ходил. Заругают дома — ну, да ладно.

Зато пескарей поймал целых двадцать пять штук. Плавали они у меня в ведерке, все ребята видели.

Вдруг кто-то сказал:

— Киров идет!

Гляжу: пионеры идут толпой, а в середине несколько мужчин. Один — впереди. Небольшого роста, в гимнастерке, в светлой фуражке. Глаза у него такие добрые, веселые. Разговаривает с ребятами и всё улыбается.

Это и есть Киров, Сергей Миронович...

Загляделся я на него и забыл совсем про своих пескарей.

А он посмотрел на меня да как крикнет вдруг:

— Рыболов! Гляди — удочку упустил!

Я обернулся — удочка-то моя поплыла.

Бросился я за ней, да как-то ведерко ногой задел.

Ведерко — набок, пескари мои шлепнулись в реку, хвостиками вильнули, только я их и видел...

Ребята кругом как засмеются. А мне обидно. Ведь целых двадцать пять пескарей было. Выходит, весь день зря проудил.

Я едва слезы сдерживаю — стыдно заплакать при Кирове...

А он улыбается.

— Ну что, — говорит, — всех своих щук растерял... Как тебя зовут?

— Петька!

— Подожди-ка, Петя. Мы это дело, кажется, сейчас поправим.

Порылся он в карманах и протягивает мне блесну — блестящую жестяную рыбку с тремя крючками.

— Вот тебе пескаря — щук ловить. Привяжешь на длинный шнур и пустишь с лодки. Щука подумает, что это живая рыбка, схватит и попадет на крючки.

Зажал я подарок в руке.

От радости хочется мне крикнуть, — голос у меня всегда во какой: на том берегу слышно! — а тут, точно это не я, бормочу чуть внятно:

— Спасибо, Сергей Миронович...

Киров улыбнулся и пошел с ребятами дальше. И я хотел за ними, да у меня удочка запуталась. Пока я ее распутал и ребят догнал, Киров уже уехал.

Вот вскоре после этого поехал я к дедушке погостить. А дедушка мой — егерь. Сторож такой в лесу, куда охотники ездят на охоту. Он сколько раз Кирова на охоте видал. Да только дедушка мой — чудак. Все молчит, не любит рассказывать.

Там есть большое озеро.

Подарок Сергея Мироновича я, конечно, захватил с собой.

И только приехал, сейчас же отправился в челноке по озеру — с блесной. Она была привязана на зеленый рыболовный шнур.

Ездил, ездил — ничего не поймал. Только устал. Где-то поблизости то и дело стреляли охотники. Должно быть, они всю рыбу распугали. Досадно было. Повернул я к берегу.

Вот стал уж приставать, вдруг мой шнур задергался. Я потянул за шнур, а на другом конце сильно заплескало. Я обрадовался: „Видно, большая рыба попалась".

Выскочил я на берег. Тяну и приговариваю: „Вылазь-ка, голубушка, на сушу".

А рыба как рванет, — я и скатился в воду.

— Ах, чтоб у тебя хвост откис, — говорю, — врешь, все равно не уйдешь!

А рыба еще как потянет, — шнур чуть и совсем из руки не выскользнул. Я едва за самый конец удержал, даже ладошке горячо стало.

Смотрю: ладошка в крови. Это шнуром прорезало. Больно мне, слезы брызнули, но я зажал шнур в руке еще крепче и вокруг пальцев обернул.

Блесна-то — подарок Кирова; ни за что ее не выпущу.

Хотел я вылезти, а дно под ногами илистое. Я и поскользнулся. И окунулся с головой.

Вскочил на ноги — глубина мне уж по грудь.

А рыбина тянет ну прямо что лошадь. Я чуть не реву. Придется мне шнур отпустить. Пропала заветная блесна... А не отпущу шнур, утянет меня рыбина за собой...

Но тут вдруг кусты за мной зашелестели, кто-то с плеском ступил в воду, сгреб меня и мигом выволок на берег.

— Ай да рыбак, — говорит. — Никак тебя щука поймала!

Обернулся я, а это Киров.

Ружье за плечом, охотничьи сапоги до пояса, а в сумке на боку — утки.

Я как закричу:

— Сергей Миронович!

И обхватил его руку.

А он удивляется:

— Да как ты, малыш, меня узнал?

— Сергей Миронович! Так ведь я же—Петька! Помните, в Парке культуры пескарей удил? Ведь это на блесну, что вы дали, я рыбу поймал!

— Да где же твоя рыба?

Я протянул руку, и меня даже в жар бросило: нету шнура в руке. Видно, от радости, что увидел Сергея Мироновича, я про шнур-то позабыл и выпустил его! Я растерялся.

— Плохо дело, — засмеялся Киров.—Ушла твоя рыба. Ну, ничего, шнур я перехватил. Вот он!

Стали мы осторожно тащить — ну и щуку вытащили!

Если бы не Сергей Миронович, ушла бы она от меня.

Прошу я его:

— Сергей Миронович, возьмите щуку себе.

— Что ты! Мне такую большую не съесть!

Так и не взял.

Потрепал меня по щеке и ушел. А я на эту блесну больше никогда не удил,—чтоб не потерять.

Ведь это у меня память от Сергея Мироновича!

КНИГАТОЛНУТ

	Стр.
Пушкал патлуптан вармаль	3
Разведка	15
Нётнэ хум	25
Пленыг вим хосах	32
Хонтлахтын мат	40
Най тэнэтэ	46
Каскан	54
Русский текст	62

Ответственный редактор *Я. Торгашин.* Технический редактор *И. Бердникова*

Корректор *С. Томина.*

Сдано в набор 19/IX 1939 г. Подписано к печати 7/II 1940 г. Уч.-авт. листов 4,74. Бум. л. $2^3/_4$. Печ. л. $5^1/_2$. Бумага $70 \times 93^1/_{16}$. Учпедгиз № 12722. Заказ № 3163. Леноблгорлит № 618. Тираж 750 экз. Бумага Камского бумкомбината.

Типография „Коминтерн", Ленинград, Красная ул., 1.

Ц. 1940 г.
Акт № 238
Вкладн. л.
Инв № 14

Цена 2 руб.

Н Ман.
Н 3-2
11931

Н. БЫЛЬЕВ — „Рассказы о Кирове“

на мансийском языке